

Глава 1

— Да будет так! — торжественно провозгласил судья, стукнув молоточком.

Звук растворился в воздухе. Черная мантия, парик буклями, красные лоснящиеся от пота щеки, маленькие поросычьи глазки смотрят пристально, словно ждут чего-то...

То есть я, конечно, знаю, чего они ждут. Ждут, что я сорвусь. Прямо во время суда возьму и выкину что-нибудь этакое.

Глубоко вздохнула, встала и поклонилась.

— Да будет так.

Я смогла изобразить смирение только потому, что знала: судью подобное поведение точно выведет из себя.

Гад! Мерзкий... свин!

Хочет объявить невменяемой, чтобы оформить опеку, на которое в случае попадания на территорию Ганглии, кроме специальных служб, имеют право мэр и главный судья. Меня хорошо просветили, какая участь ждет молодых женщин при таком раскладе.

Настоящее... Средневековье! Инквизиция! Ну, почти... Я с ненавистью окинула взглядом деревянную клетку.

— Ба-ам! — еще один удар молоточком.

— Решение принято и обжалованию не подлежит!
Заседание окончено!

И тут...

Потрепанный, не очень свежий парик главного судьи... хрюкнул?

— Хр-р... Хр-р... У-и-и!

Представители прессы замерли от восторга. Руки судьи медленно стали подниматься. Лорд притих, словно охотник: парик надо было схватить быстро, пока он...

— Хрюк!

Нечто ярко-розовое соскочило с головы лорда и помчалось прямо по спинам нырнувших под черную ткань фотографов!

— Щелк!

— Фух!

— Пах!

— Прошу вас, прокомментируйте происходящее!

— Ваш парик. Он ожил?!

— Это колдовство?

— Вы утверждали, что скользящая по отражениям, попавшая к нам из другого мира Энн Файер не обладает магией. Вы признаете, что ошиблись?

— Не удовлетворяю! Запрещаю! Не имеете права! Суд выражает протест! — визжал лысый лорд, с ужасом наблюдая, как по столам и лавкам скачет живой розовый поросенок, а журналисты сходят с ума.

Я опустила голову. Терпеть! Сейчас главное — не рассмеяться, иначе судья расвирепееет, отменит решение, и тогда уж мне точно конец!

— Крак!

Деревянная клетка рухнула, а мне на руки прыгнула розовая кудлатая хрюшка.

— Привет! — шепнула я и спрятала крошку в складках платья.

Дрожащими руками судья Говард вытирал сияющую от пота лысину, от которой шел едва заметный парок. Умаялся бедолага, меня, непутевую, обвиняя.

Вспышки слепили со всех сторон. Камеры журналистов были тяжелые, с гофрой, штативами и черной тканью, под которую они чуть что ныряли с нечеловеческой быстротой.

— Во-о-о-он! Все вон из здания суда! Заседание окончено! — кричал лорд Говард.

Бедняга уже видел себя на первых страницах газет, пестрящих громкими заголовками: «Парик-убийца — проклятье фей?», «Колдовство в здании Высшего суда!», «Что случилось с лордом Говардом, или Дело о хрюкающем парике!»...

На господина Хатроу, адвоката, выписанного городом, чтобы помочь мне, несчастной, было больно смотреть. Мы успели подружиться. Молодому человеку не везло: едва начал практику, и уже три проигранных подряд дела. Неудивительно. Уилл Хатроу — порядочный, честный человек. Таким не просто в Дан-Лане, колыхали лжи и коррупции.

— Пойдемте, — вздохнул Уилл. — Вам необходимо получить документы. Удостоверение личности. Лучше подождать в коридоре.

Я кивнула, подобрала юбку, к удивлению обнаружив, что поросенок исчез. Жаль. Он был такой потешный!

Мы вышли из зала суда в сопровождении констебля. Настоящего! В черном мундире с сияющими пуговицами и шлеме, похожем на яйцо. Как тут не вспомнить Шерлока Холмса?

— Спасибо, — улыбнулась я великану с непроницаемым лицом (вот она — старая добрая Англия!).

— Простите. Простите, что так вышло, Энн, — не унился Хатроу.

— О чем вы? Мы избежали опекуна — разве не чудесно?

— Вы, Энн... Это сделали вы! Вы доказали, что у вас есть магия, превратив парик судьбы в поросенка.

— Глупости! О чем вы, Уилл? У меня нет никакой магии!

— Вы спасли себя и меня заодно. А я... Я никчемный. Совершенно бесполезный чурбан.

Парик Уилла был красивого шоколадного цвета, длинный, до самых плеч. Под ним рыжеватые волосы, стянутые в хвост. Хатроу был очень симпатичным: его чуть вытянутое лицо чем-то напоминало Николаса Кейджа. Глаза карие, грустные. Сейчас, правда, он напоминал не столько всеми любимого актера, сколько спаниеля, которого не взяли на прогулку. С другой стороны, Кейдж тоже часто мне его напоминает (в смысле, спаниеля).

— Перестаньте убиваться и возьмите себя в руки, Хатроу! Меня же не грохнуть приказали, в конце-то концов!

— Как можно, Энн, да хранят феи королеву! Зачем вас ронять? Вы и так с лестницы упали — нога еще не зажила, прихрамываете.

Что правда, то правда. Полет со стремянки даром не прошел. Я, правда, не это имела в виду, но... Промолчу, пожалуй. На бедняге и так лица нет!

Мир, куда я попала, был одним из отражений Лондона. Почему не Москвы, где я, собственно, и свалилась со стремянки, — этот вопрос до сих пор остается неразрешимой загадкой, а ведь я здесь уж без малого как месяца три. Наверное, потому, что попасть в Лондон было давней мечтой. Темза. Викторианская Англия, кебы, туманы, Джек Потрошитель — романтика!

Тех, кто проникал сюда, именовали «скользящими». Как именно человек вдруг попадает в Зазеркалье, этого никто, по мнению Уилла, не знал, но кое-что о последователях Льюиса Кэрролла жители Дан-Лана все же выяснили опытным путем, а именно: отражения наделяли «попаданцев» магией. Непредсказуемой и неконтролируемой, но в большинстве случаев, как это ни странно, безопасной. Жаль, что не в моем случае. Интересно, как это — обладать настоящей магией?

Во всех отражениях (наш мир, между прочим, не исключение — так здесь считают) водятся феи. Да-да, именно «водятся». Фей боятся. Они обладают очень сильной магией, из-за чего жители королевства вечно у них в долгу.

Подданные Ганглии в большинстве своем слепо следовали букве закона, и это при том, что судебный порядок был более чем жесток. Один прокурор чего стоит! Если судья, лорд Говард, был похож на свинью, то тот — на шакала. Оба обладали властью.

По решению суда меня отправят подальше от подобных «блостителей порядка» — и на том спасибо. Жаль, придется расстаться с Уиллом. Прокурор просил для меня полной изоляции (сволочь!), судья же был другого мнения. Непрозрачно намекнул, что с таким феноменом, как я, ему необходимо познакомиться поближе и погоризонтальнее.

Гад! Мерзкий свин, не в обиду ожившему паряку будет сказано.

— «Год под надзором», — прочитала я, получив наконец все необходимые документы. — «В качестве...» Что?! Горничной? — Я не выдержала — рассмеялась.

Уилл, видимо, решил, что это у меня нервное. Отчасти он был прав: сказывалось напряжение последних дней, но... горничная?

— Ха-ха-ха-ха... Ой, не могу... Ох-х... И... И что ж я делать-то теперь буду, а?

— Вас это угнетает?

— Угнетает? Именно. Именно угнетает, Уилл... Господи! За что?! Ну что я тебе такого сделала, а?

Я подняла лицо в свинцовое небо Дан-Лана, всей грудью вдохнув свежего воздуха: мы вышли наконец из душного здания! Вот только со свежестью были, как бы это помягче сказать, проблемы. Откуда так воняет? От Темзы, что ли?

Слова в отражениях менялись, но выборочно. Англия превратилась в Ганглию, Лондон — в Дан-Лан, а Темза осталась Темзой. Почему? Не знаю. Кто их разберет, эти отражения?

— Вы же... женщина, — прервал молодой человек мои размышления. — Какие у вас могут быть проблемы с тем, чтобы помыть да почистить? К тому же вы, насколько я помню, работали в этой сфере?

— Да, — кивнула я, сжав сумочку затянутыми в перчатки руками. — Работала.

Я не стала ничего объяснять. К чему? Долгая история, и вообще это личное! Так что если...

— Госпожа?

Я вздрогнула, обернулась, едва не налетев на мундир с сияющими пуговицами. Опять этот. С яйцом на голове. Ну что еще? Оставят меня наконец в покое, а?

— Пойдемте со мной, госпожа. Браслет.

Итак, на мне теперь тонкая, даже, можно сказать, изящная цепочка — артефакт, контролирующий передвижения и эмоциональный фон. Последнее меня расстраивало больше всего: это ж никакой личной жизни! Хотя откуда она здесь возьмется? Разве что хозяин на горничную позарится.

Так. Все! Хватит концентрироваться на грустных мыслях. Или не грустных? Я старалась отвлечь себя, только бы не наделать глупостей, потому как цепочку эту я ненавидела! Металл жег кожу при малейшем нарушении, приходилось быть осторожной.

— Держитесь, Энн. — Уилл посмотрел мне в глаза. — Всего год.

Отбившись от журналистов и распрощавшись со вздыхающим, поминутно извиняющимся неизвестно за что адвокатом, я отправилась гулять по Дан-Лану, типа «Ландану», если вспомнить уроки английского. До того как я уеду в поместье к неведомому лорду Харди, жизнь у которого приравнивали к наказанию, надо же нагуляться по городу?

«Лондон», — усмехнулась я. Город мечты. Здесь, правда, не было красных двухэтажных omnibuses, Букингемского дворца и гвардейцев в медвежьих метровых шапках, но... Но была Темза и вид на Биг-Бен — почти такие же, как в теленовостях. Интересно, под каждой цифрой огромного, семиметрового циферблата написано: «Боже, храни королеву Викторию»? Вряд ли. Королева здесь Витта Мудрая — я о ней не раз слышала.

Мимо спешили по своим делам мрачновато одетые люди (все же неистребим дух викторианской Англии!) в сером, зеленом, лиловом и черном. На их фоне двухэтажные кебы ярко-красного цвета выглядели нарядно и смешно. Представьте себе: половину автобуса тащат лошади! Словно склеили две открытки — прошлое и будущее.

Преломление отражений — странная штука. Все смешалось! Фотографы со вспышками (вот-вот вылетит птичка), старинные телефонные аппараты, турнюры, шляпки, перчатки с одной стороны, с другой — шариковые ручки, маркеры и карандаши, удовлетворяющие

взыскательного потребителя дня сегодняшнего в моем собственном мире!

Ни холеры, ни сифилиса, мышьяк ради бледности лица никто не втирает, что радовало.

Итак, я шла по мрачно одетой, не очень чистой Ганглии, радуясь, что не встречаю похоронные процессии на каждом углу. Сумка казалась тяжелее обычного. Так бывает, когда на сердце кошки скребут. Не хочется уезжать. Я ведь только привыкла! И Уилл рядом. А там? Там я никого не знаю.

На самом деле меня волновало, конечно, не это. Будущая роль горничной — вот что мучило по-настоящему. Дело в том, что «фея чистоты» из меня не...

Феи! Ну конечно же, феи! Совсем про них забыла. Феи дополняли пейзаж Лондонского зазеркалья удивительно — даже пол-автобуса-кеба не шли с ними ни в какое сравнение. В ярких искрящихся платьях, с огромными чутко подрагивающими крыльями за спиной, они редко, но все же встречались в толпе. И знаете, что самое удивительное? Никто не обращал на них никакого внимания...

Правилось мне здесь или нет, однозначно сказать трудно. Кроме фей и весьма обеспеченных граждан, которые могли себе позволить одеться получше (цветные ткани в Дан-Лане стоили баснословно дорого), все черно-серое. Город хотелось отмыть (вот уж не думала, что у меня когда-нибудь появятся подобные мысли). Сыро. Туман висит над Темзой в любую погоду. Ближе к реке подходить не хотелось, и не мне одной. Если понаблюдать — никто из жителей Дан-Лана этого не делал.

От воды шел... страх. Хотя я, наверное, придумываю. Устала после суда. Надо бы зайти куда-нибудь кофе выпить, булочку съесть.

В крошечном кафе было тепло, уютно и вкусно пахло выпечкой. В такие моменты еще сильнее хотелось остаться. А что? Устроилась бы помощницей адвоката в компанию, где работал Уилл, почему нет? У них тут такие красивые карандаши! Длинные, черные, острые, как кинжалы, с мягким ластиком на конце, стирающим чисто, без разводов. Может, сами феи делают их, из собственных палочек?

Мысль развеселила. Я и не заметила, как дошла до дома, где снимала крошечную комнатку под самой крышей. Компания отца Уилла, взяв под крыло, ссудила небольшую сумму — теперь буду возвращать с зарплаты горничной. Денег как раз хватило на одежду, еду и вот эту комнатушку.

Часть денег я уже отдала: выучилась печатать на дуплопной, тугой машинке, что не шла ни в какое сравнение с теми же карандашами! Проклятые отражения. То ли дело мягкая клавиатура любимого ноута или компа на работе. Печатать я любила, и, как выяснилось, подобные навыки в Дан-Лане ценились высоко. Я даже пыталась изобрести замазку (чтобы из-за одной буквы не перепечатывать весь лист), но пока, увы, безуспешно: краска осыпалась.

И все же я не сдавалась, помня американскую историю о домохозяйке, ставшей миллионершей. Домохозяйка из меня никудышная, что правда, то правда, но я была одним из ведущих топ-менеджеров крупной клининговой компании! Отвечала за поставки, работу с клиентами. Если бы замазка удалась, уж я сумела бы наладить бизнес! Однако подобные мечты придется отложить до лучших времен. Вот получу документы, стану подданной королевы Витты Мудрой без поражения в правах, а там посмотрим. Может, уговорю какую-нибудь фею помочь придать замазке эластичности, чтобы...

— Хрюк!

Я уже поднималась по узкой темной лестнице, когда мне показалось, что... Да нет. Быть не может!

Итак, о чем это я? Ах да. В общем, все идет по плану. Жива, почти устроена. Еще немного — и раздам долги. Все как у людей — не важно, в каком из миров. Но горничной-то почему?

На горестный вздох сумка вновь ответила сочувственным хрюком!

Значит, не показалось?

Я подпрыгнула, с трудом подавив вскрик: на шум тут же явится мадам Кларсон! Карлсончик, чтоб ее... Мерзкая любопытная старуха везде совала свой нос и стучала всем, от журналистов до констебля!

Не знаю, приплачивали ей или она так, из любви к искусству, но, как только я это поняла, тут же стала приличной, воспитанной барышней. Из безудержного кутежа и вредных привычек — одно пирожное в неделю и прогулки по городу.

— Хрю, — снова отозвалась сумка.

Я протянула к застежке дрожащие руки и...

— Ты?!

— Я, кто ж еще?

Это был он! Поросянок — оживший парик.

— Ты... Что? Что ты такое?

— Я откуда знаю? Сама наколдовала, — огрызнулись со дна сумочки.

— Я думала, ты... исчезло.

— Верно подмечено... С такими-то ушами я — оно! О чем только думала, ведьма проклятая?

— Что? — Еще не хватало, чтобы этот... кудлатый хрюк мне замечания делал! — Я — ведьма? Да у меня нет никакой магии! Нет — ясно?

Минипиг (а это был точно он, только вместо ушек — растрепанные букли парика) выскочил из сумки. Существо это было настолько потешное, что я, как ни злилась, не могла удержаться от смеха.

Дверь за спиной скрипнула.

— С кем это вы, милочка, разговариваете? — Крысиный вздернутый нос пролез в щелку.

— Здесь никого нет, — я отвечала спокойно, уверенно, краем глаза следя за тем, как поросенок скрылся за шторой (а я еще расстраивалась, что занавески в комнате грязно-розового цвета!). — Я не разговаривала, мадам Кларсон. Мне не с кем. С вами все в порядке?

— А! — Квартирная хозяйка, ворвавшись в комнату, рванула дверцу шкафа. Та, жалобно скрипнув, повисла на одной петле.

Это она зря: рухлядь моей комнаты требовала к себе трепетного обращения. В шкафу ожидаемо никого не оказалось.

— Где? — посмотрела на меня хозяйка.

— Понятия не имею, — я пожала плечами. — Может, под кроватью?

Кларсон, ухмыльнувшись, полезла под кровать.

— Окно? — с надеждой пробормотала старуха, чихнув от пыли.

— По-вашему, мой гость — фей? Что ж, это идея. Любownik, пока вы пытаетесь обвинить меня в непристойном поведении, преспокойно порхает поодаль. Вот вы уйдете, я распахну окно и...

Мадам Кларсон меня не слушала, она уже летела к окну! Сердце замерло. Там, за шторой...

Старуха распахнула форточку, ветер поднял грязно-розовый парус, и... под ноги моей мучительнице выкатился судейский парик!

— Ага!

— Приобрела по очень, очень выгодной цене! Мне кажется, в нем я выгляжу моложе.

— Безвкусица! — заявила мадам Кларсон, пнув парик ногой. — Но что-то же было?

— Вам показалось — только и всего.

Слышать голоса — плохо даже в мире отражений. Все, что выбивалось из нормы, строго каралось законом. Видимо, жителям магических миров попросту ничего другого не оставалось: попробуй соблюдать порядок, когда по улицам разгуливают самые настоящие феи, а из сумок выскакивают поросята!

— Я пойду, — прошептала обескураженная хозяйка.

— Спокойной ночи, мадам Кларсон.

Как только дверь в каморку закрылась, парик тут же обернулся знакомым свинтусом. Я поднесла палец к губам, намекая, что разговаривать нельзя: Кларсон будет стоять под дверью еще долго.

— Голодный? — написала я на бумаге мягким карандашом.

Поросенок качнул головой — от растрепанной булки отделился волос и медленно поплыл к моему лицу. Тихий щелчок — и в воздухе заискрились слова:

— Ем магию.

— Лоточек?

Обиженный взгляд.

— Не надо? — упорствовала я.

— НЕТ! — взорвался в комнате настоящий фейерверк.

— Ладно, прости. Как тебя зовут?

Сразу несколько волосков заплясали в воздухе.

— Бенджамин Ульрих Клементий Лаврентий Ясно-видящий.

* * *

На вокзал мы прибыли заранее: показаться представителю суда, к которому меня первым делом потащил Уилл. Мы раскланялись. Господин в сером сюртуке со скучающим лицом проверил браслет, вручил билет, кивнул и удалился, будто его и не было.

Я вздохнула с облегчением. Посмотрела, на месте ли чемодан. Незаметно сунула руку в саквояж: погладить Буклю. Мы с поросенком пререкались до утра. Пришлось соврать, что в моем мире «аббревиатурой» именуют только очень, очень знатных и важных особ. На самом деле я почти не лукавила — судите сами: РФ, МК, РАН, я уже не говорю про Газпром...

Так «Бенджамин Ульрих Клементий Лаврентий Ясновидающий» превратился в «Буклю».

Букля — фамильяр. Если верить розовому чуду (а я бы не стала этого делать), он — из старинного рода Ясновидающих помощников ведьм и колдуний. Поживем — увидим. Сомневаюсь, что я — ведьма, но Букля был абсолютно уверен в том, что ведьмой (колдуньей) считается та, что обладает магией, если она, конечно, не фея. И если рассматривать сложившуюся ситуацию с этой точки зрения, то...

— Вот она!

— Эмм, какие ощущения после суда?

— Проявление магии, которое мы все видели, — ваша реакция на явную несправедливость?

— Вы знаете, где сейчас парик лорда Говарда?

— Парик хрюкал, вы это подтверждаете?

— Возможно, вы лишь заставили присутствующих в это поверить?

Вспышки слепили со всех сторон. Я выдернула руку прикрыть глаза. На пальце повис белый локон, а на дне

саквояжа недовольно хрюкнули. К счастью, журналисты так шумели, что этого никто не заметил.

Репортеры мне нравились (что не помешало, однако, подвинуть чемодан к себе поближе). Они были яркими, шумными! Не то что вся эта серая, безликая, до тошноты законопослушная толпа с приличными манерами. А еще они говорили и писали то, что думали (и выдумывали, конечно, тоже). Им это позволялось, как в старину шуту позволялось говорить правду королю.

За последний месяц интерес ко мне поутих, но вчерашнее заседание...

— Дайте пройти! Без комментариев! — Уилл схватил меня за руку и решительно потащил к вагону, разгоня толпу.

— Энн Файер, пару слов о возможностях вашей магии!

— Она поможет выжить в логове чудовища?

— Никто не вернулся от лорда Харди, вам это известно?

Я замерла. Чудовище? Никто не вернулся? В смысле... живым? О чем это они?

— Вы что, не знаете, к кому вас отправили? — взвизнул от восторга молодой, усыпанный веснушками фотограф, правильно расценив мою мимику.

Что я там говорила о симпатии к местным репортерам, шутках и королям? Забудьте.

— Энди! — раздался крик Уилла над моей головой. — Помоги!

Сразу после этого что-то вспыхнуло, заискрилось, и мы побежали сквозь сиренево-розовый дым, на несколько секунд заполнивший перрон. В последний момент вспомнила про чемодан. Уилл даже не подумал помочь... На него не похоже. Расстроился, наверное. Ладно, не буду ничего говорить. Уже в вагоне, едва дыша, без сил опустившись в мягкое кресло, я спросила:

— Что... Что это было?

— Дымовая шутиха, — рассмеялся адвокат. — Один из фотографов, Энди, мой друг. Мы часто так делаем в безвыходных ситуациях.

— Это тот, в веснушках?

— Именно. Мы с ним... Два неудачника. Я проигрываю дела. Ему тоже не везет: газеты редко берут снимки, хотя фотограф он отличный! И теперь мы оба перед вами в неоплатном долгу!

— Это еще почему? — я просто опешила.

— Уже утром ко мне стали записываться клиенты. Я теперь знаменитость! Энди повезло еще больше: он единственный, кому удалось сделать снимки ожившего парика судьи, у всех остальных пленка оказалась за-свеченной. Газеты Дан-Лана воюют не на жизнь, а на смерть за возможность сотрудничать с ним! Энди наконец сможет расплатиться с долгами, а ведь ему грозила тюрьма, так же как мне — разорение и потеря практики. Вы приносите счастье, Энн Файер!

— Боюсь, вы преувеличиваете, Хатроу.

— Провожающие, покиньте вагон! Ехать пять часов. — Проводник в серой форме отчаянно звонил в колокольчик. — Покидаем вагон, провожающие! Обед через полтора часа, удобства в конце вагона!

Глава 2

Тремя месяцами ранее

— Аня, пойми. Ты одна из лучших сотрудников!

— Тогда почему?

— Да потому что, А-ня! Ну ты же сама понимаешь, что происходит сейчас. Мы не можем заменить евро-

пейские средства: отечественные не вытягивают по качеству! Рано или поздно мы с этим справимся, но сейчас надо потерпеть. Вре-мен-но! Мы не можем поднять цены: не удержим клиентскую базу. Тем более в связи с кризисом наши старые клиенты только и делают, что запрашивают скидки. У меня каждый день переговоры! Выслушиваю жалобы и — да, иду на уступки, иначе мы просто потеряем «Фею». — Директор изо всех сил дернул узел галстука. — Съезди куда-нибудь, — продолжил он уже мягче, — отдохни.

— Не могу. Ипотека, — огрызнулась, понимая, что шеф прав и ничего не изменить.

— Выплачивать премии, как раньше, просто не могу! Ты заслуживаешь, как никто, да я и выплатил тебе больше всех!

Я кивнула. Премии, которая «больше, чем у всех», едва хватит раздать долги. И дело не в том, что отчаянно на море хочется (хотя хочется, конечно). А в том, что приезжает тетя.

— Я понимаю, Андрей Яковлевич. Понимаю. Я пойду?

— Иди, Анечка. Иди. Отдохни хорошенько!

Так я ушла в отпуск. Вынужденный. С печалью в сердце и синяками под глазами. Рабочий день с девяти до девяти, увы, не красит. Зато квартира. В Москве. Детям останется! Когда-то же они у меня будут.

Дети.

Мама умерла два года назад. С тех пор это началось. То есть оно было и раньше — мучило, вызывало чувство стыда и приносило массу мелких проблем. Что именно? Моя... проблема. Особенность характера. Яблоко раздора с мамой, а именно то, что я с самого раннего детства ненавижу уборку!

В недрах моей захлавленной квартиры бесследно пропадали документы. Я два раза восстанавливала ме-

дицинский полис, три — паспорт и один раз лишилась премии, потеряв подписанный контракт «Феи» с очень крупной фирмой. Единственное, что уцелело, — ипотечный договор. Надо только вспомнить, куда я его засунула.

Кажется, он был в красной папке. Или в синей?

Вот только не думайте, что я не пыталась бороться! Пыталась. Ну честное слово, пыталась! От и до протудировала сайты, где опытом делятся друг с другом такие же, как я, и...

И поняла, что ничего не выйдет. После совета заменить домашние тапочки на шнурованные ботинки, чтобы воспитывать в себе силу воли, каждый раз их завязывая, я не выдержала — пошла в клуб (сунув ножки в лакированные туфли без шнурков, прошу заметить!). Мы с девчонками пили-то немного, но так хохотали над моим «отчетом о форуме фей чистоты», что нас, наверное, запомнили надолго.

Подружки хохотали вместе со мной, а только у них в гостях я была. Стыдно. Но сделать с собой я все равно ничего не могу. И не из-за смерти мамы, хотя психолог, к которому я обращалась, наступив на горло собственной песне (ну не люблю я психологов!), считает, что это не так.

Я всегда была поросенок. Мама пыталась меня переделать — мы ругались до тех пор, пока я не уехала.

Потом мы съехались с Борькой, но уже через месяц расстались. Он, правда, бросил меня не из-за хлама в съемной квартире, а из-за Ленки. Ленка потом сказала Аське, Аська — Таньке, а Танька, напившись, выложила мне все... Типа все-таки из-за того, что я страшная грязнуля. Но теперь-то какая разница?

И надо ж такому случиться, чтобы я работала в клининговой компании под названием «Фея чистоты». Ска-

жете, так не бывает? А как же «сапожник без сапог»? А? И потом я ж менеджер, а не уборщица! И еще. Если кто думает, что достаточно вызвать к себе специалистов, тот сильно ошибается. Сотрудники клининговой компании моют полы, окна, диван могут отчистить, ковры. Вот только чтобы их вызвать, квартиру нужно убрать — а в этом-то и есть проблема!

В первый день отпуска я лениво бродила по квартире с огромным мусорным мешком и выкидывала, выкидывала, выкидывала.

Обнаружила в подгоревшей кастрюльке новую цивилизацию. Это когда меня посетила дурная мысль сварить курицу? Неделю назад? Две?

«Пусть мама услышит, пусть мама придет-от...» — запел телефон.

Два года прошло, а я каждый раз вздрагиваю: тетка звонит с маминого телефона. Сколько раз давала себе обещание сменить эту музыку, но...

Не могу. Так же, как не могу вещи каждый раз класть на место!

— Черт...

— Бах! Дзинь! — Кастрюлька выскочила из рук и покатила по полу, устроив новой цивилизации настоящее землетрясение.

— Да? — буркнула я в трубку, без сил сядя на пол рядом с мусорным пакетом.

Я люблю тетю. Очень. Но терпеть не могу, когда она строит из себя мою маму, а в последнее время родственница только этим и занимается. Наверное, из-за чувства вины. Того самого чувства вины, которое испытывают все родственники, потерявшие близкого человека, вне зависимости от того, виноваты они в чем-то или нет.

— Аня? Я завтра приеду. Погуляем по Москве, и я тебе хоть полы помою.

— Просто погуляем по Москве, — проворчала я. — Уборка — это моя забота, — вздохнула, заглянув в кастрюлю.

— Ты и уборка — взаимоисключающие понятия. Твоя мама...

— Я помню, что говорила мама, тетя Валь... Не сейчас — ладно?

— Аня... Анечка, что-то случилось?

— Случилось. Меня в отпуск отправили.

— Так это же хорошо! Я всего на пару дней, а тебе надо расслабиться и заняться наконец личной жизнью. Тебе уже двадцать шесть, а...

Ну началось! Вторая любимая тема после моей грязной, немойтой квартиры — это, конечно, моя неустроенная личная жизнь. Двадцать шесть, мама так хотела внуков, да так и не дождалась, а она, тетя Валя, матери моей старше почти на десять лет, и тоже ведь внуков не дождетса, и бла-бла-бла.

Слезы как-то сами собой полились. Капали в кастрюльку на покрытые пушком плесени остатки сторевшей курицы. Сколько раз я представляла себе, что иду на могилу к маме не одна? Веду за руку девочку. Или мальчика? А может, двоих? Я верила, что мама их увидит и обрадуется, вот только не могу же я выйти замуж только ради того, чтоб были дети? Да и ни к чему это в наше-то время. Просто я хочу детей от любимого человека. Искренне мною любимого — и не важно, будем мы жить «долго и счастливо» или он от меня, замарашки, сбежит на следующий же день.

— Ладно, прости, — выдохнула тетя, правильно поняв мое красноречивое гробовое молчание.

— Собирайся: на поезд опоздаешь, — посоветовала я, вытерев слезы.

Ну все, Аня. Соберись! Кастрюлю — в раковину, пустить воду, пусть отмокает. Снять шторы, сунуть в стиральную машинку. Уберусь, намою все и повешу новые — синие, те, что недавно купила по скидке. Шторы! Вот черт... Их чтобы повесить, стремянка же нужна.

И тут в дверь позвонили.

— Фариде! — бросилась я на шею бегемоту в ярко-бирюзовой спецовке (во всю спину — фея с крылышками и пылесосом).

Тетушка Фариде (как мы ласково звали всем коллективом нашу уборщицу) была ни много ни мало кандидат наук в своем солнечном Таджикистане.

— Аня, можно оставлю, да? — Фариде бросила усталый взгляд на стремянку. — Мне ехать к брату сегодня.

— Конечно! Очень кстати — я тут как раз решила все намыть и шторы новые повесить.

Фариде с опаской заглянула в квартиру, всем своим видом намекая, что до финального штриха, а именно новых штор, по-видимому, еще далеко.

Меня это разозлило. Почему все лезут не в свое дело? Почему все, кому не лень, пытаются меня чему-то научить? Почему просто не оставить меня в покое?!

— Помочь? — Миндалевидные черные глаза заглянули... в самое сердце.

Только у южных людей бывает такой взгляд.

Мне бы расплакаться. Обнять Фариде, попросить остаться, помочь, но я уже была на взводе. Все раздражало, хотелось остаться одной. Одной! Посреди моего личного, любимого свинарника.

— Нет, спасибо! До свидания!

Я втащила стремянку в коридор и захлопнула дверь — прямо перед носом Фариде. Некрасиво получилось. В конце концов, она ни в чем не виновата.

И на кой черт я купила такое количество квадратных метров? Шестнадцать — кухня, столько же — комната, а ведь еще лоджия и коридор.

Уже глубокой ночью я поняла, что ничего не выходит. Разбирая документы, нашла старые фотографии и зависла. Пока предавалась воспоминаниям о прошедшей любви, вода залила всю кухню! Я ж кастрюльку в раковину поставила, плесень забила слив, и... В общем, пока возилась, в комнате так и не убралась. Зато пол на кухне чистый.

Спать не хотелось, и я решила все же повесить шторы. Пошатываясь, потащила в прихожую за стремянкой.

— Фея чистоты, — взмолилась я, забираясь под потолок. — Если ты существуешь, скажи, пожалуйста: за что? За что ты так меня ненавидишь, а?

Три месяца спустя

Это было последнее, о чем я тогда подумала, потому что... Потому что я упала. Упала со стремянки и, видимо, ударила головой, потому что, очнувшись, увидела перед собой фею! Самую... настоящую. В искрящемся платье и с огромными крыльями, от которых при каждом движении во все стороны разлеталась волшебная пыльца.

И теперь эта самая фея стояла рядом со мной в поезде, делая вид, словно это я в чем-то перед ней виновата!

— Разрешите. — Крылья, раздраженно жужжа, заполнили все пространство купе.

Она была... прекрасна. Фарфоровое личико, разноцветные пряди в густых, пышных волосах, точеная, окутанная сияющей тканью фигурка и... крылья. Прозрач-

ные, припудренные золотой пылью. Интересно, это та самая пыльца, с которой летал Питер Пэн?

Нежные розовые лепестки на шляпке источали настоящий аромат живых цветов! В чашечках поблескивали, переливаясь, капельки росы, словно крошечные бриллианты — магия, не иначе. Из-под платья слегка выглядывали лакированные туфельки, а движения красавицы были настолько легки и изящны, что...

Что хотелось провалиться сквозь землю, дьявол меня заberi!

Забыв обо всем, я застыла словно зачарованная. А ведь кроме чувства неполноценности меня должна бы переполнять ненависть, если вспомнить, что сие прекрасное создание — причина всех моих бед!

Сколько раз я пыталась объяснить, что именно она, фея, выдернула меня в этот мир?! Никто не хотел слушать, а Уилл — тот и вовсе заявил, что все это мне просто померещилось! Друг, называется.

Потом он, правда, признался, что верит, но очень не советует где-либо об этом упоминать. Вот почему ни в одном документе фея не фигурировала. Прошло время, и мне самой стало казаться, что... Приснилось. Почудилось. Я ведь упала. Головой ударилась.

Но нет. Вот она, сидит рядом, жужжит крыльями! Зараза... Как будто имеет право злиться. Словно это я, а не она, вместо того чтобы помочь, уничтожила чью-то жизнь!

— Вы ведете себя неприлично, — пропел хрустальный колокольчик. — Не надо меня так пристально рассматривать!

Я молча показала браслет — тонкая цепочка в полумраке купе вспыхнула ядовито-зеленым.

— Надзор и работа горничной, — объявила я, надеясь воззвать к совести (если, конечно, у фей есть совесть).

«Динь-динь» издевательски расхохоталась, и меня просто затрясло от гнева! Сомнений в том, что именно эта крылатая гадина была у меня в квартире в тот самый злополучный день, не осталось никаких.

— Может, это хоть чему-то вас научит! — заявили мне, устраиваясь у окошка.

Фея аккуратно расправила складки легкой ткани, пристально следя за тем, чтобы не помять крылья. Сумочка устроилась рядом на столике.

Я с ненавистью посмотрела на аккуратный небольшой саквояж с пряжками и ручкой. Наверняка там все лежит в строгом порядке — пудреница, зеркальце, гребешок и накрахмаленный до хруста белоснежный платочек с вышитыми золотом инициалами.

Мисс Совершенство хотелось прибить, как назойливую осеннюю муху! Вскочив, я пребольно стукнулась ногой о столик. Зашипела, потирая ушибленное место, удивляясь, какие опасные звуки способна издавать в порыве злости. Будто клубок змей совсем рядом.

Спустя несколько секунд я поняла, что звук не имеет ко мне, существу вполне миролюбивому (если, конечно, не доводить до крайности), никакого отношения. Звук шел от попутчицы — вернее, от ее крыльев. Они шуршали, сама же фея шептала что-то нечленораздельное, пристально всматриваясь в мое лицо. Я вдруг поняла, что не могу пошевелиться. Стало холодно — окно купе покрылось инеем.

— Грязный, невоспитанный поросенок! Ха-ха-ха...

— Рано радуетесь! — Я сжала кулаки, и тут из-под диванчика, куда я, устраиваясь, ногой затолкала свой дешевый саквояж, выскочил Букля:

— Госпожа фея! Пощадите! Не слушайте ее, о великодушная и всесильная! Хрю-у-у-ук... Умоляю!

Кудлатые ушки подрагивали, вторя недовольно трепещущим крыльям. Эти двое уставились друг на друга, наблюдая, как кружится в воздухе сверкающая пыльца.

— Хм-м-м... Скажите на милость. Откуда у этого... бездарного недоразумения фамильяр? Бенджамин Ульрих Клементий Лаврентий Ясновидящий, если не ошибаюсь?

— К вашим услугам, о всесильная. — Букля низко, изящно поклонился, локонами судейского парика смахивая пыль с туфельек этой... гадюки!

— Пошел прочь! — Пальчики звонко щелкнули, и малыш, жалобно взвизгнув, кубарем полетел под диван.

— Хрюк.

— Букля! — закричала я, усилием воли скидывая оцепенение.

Сердце едва не выпрыгнуло. Ну держись, «Динь-динь» проклятая. Не знаю, есть ли у меня магия, но этот кудрявый минипиг — мой друг, и я не позволю его обижать!

— Тебе это с рук не сойдет, поняла? Букля! Букля, малыш... Ты где? Тебе больно? Скажи хоть что-нибудь.

Я полезла под диван, выставив красотке на обозрение пятую точку. Если феи считают подобное поведение неуважением — так ей и надо! Я чистить туфельки этой мерзавке не собираюсь. Она у меня еще получит, вот только Буклю найду.

— Да как ты смеешь мне угрожать? Ты...

— Еще как смею! — Схватив Буклю и прижав к себе, я развернулась и...

Дышать! Что со мной? Мне нечем дышать! В горле — хрюкающее бульканье, нос тянет, как будто...

Поднесла дрожащие руки к лицу. Нащупала что-то круглое, мокрое. Пятачок! Почти одновременно к этим странным, пугающим ощущениям добавился нестерпимый зуд в...

— Нет! — прошептала в отчаянии, нащупав упругий хвостик крючком, торчащий из юбки.

Ткань порвалась.

Я завертелась волчком, пытаюсь увидеть, что там, но ничего не получалось.

Фея рассмеялась, но вместо хрустального перезвона тысячи колокольчиков из горла красотки вырвалось... кабанье хрюканье. Зажав рот ладонями, сказочное создание в ужасе уставилось на меня.

— Дамы? У вас все в порядке? — Раздался осторожный стук в дверь.

Проводник, почувствовав неладное, решил вмешаться, однако открывать купе не спешил — мало ли что, от этих фей всего можно ожидать.

— Поскольку мы теперь практически родственники, — осторожно заметил Букля, придя в себя, — позвольте заметить, что, хотя вы обе выглядите совершенно очаровательно, проводник может вызвать магическую полицию.

— Хрю! — согласно кивнула фея и выразительно посмотрела на меня.

А я что? Я вообще колдовать не умею.

— Откройте! — забарабанили в дверь. — Мне необходимо убедиться, что с вами все в порядке. В противном случае я буду вынужден вызвать полицию!

— Энн, — тоном строгого учителя проговорил Букля, — не тупи, отменяй заклятие. Бери пример с госпожи феи!

И действительно — крылышки «Динь-динь» успокаивающе трепетали, окутывая золотой пылью наше маленькое купе. Нос защипало.

— А... А... Апчхи!

— Энн, быстрее!

— Я открываю!

Заскрипел замок двери купе.

Глава 3

Дверь в купе резко распахнулась, и меня тут же ослепила вспышка.

Щелк! Щелк! Пуф-ф-ф...

— Вы обе едете к милорду Харди. В Дан-Лане ходят чудовищные слухи, никто не вернулся из проклятого поместья. Вам не страшно?

Щелк! Щелк!

Сердце ушло в пятки! Я отвернулась, закрыв лицо руками и почувствовав пальцами... нос! Мой любимый носик!

В отличие от девяноста девяти процентов женщин моего мира любого возраста, лично я никогда не сетовала на собственную внешность. Нос, губы, фигура — меня все устраивало, и, судя по ощущениям, все это вернулось в прежнее состояние.

Какое счастье!

Быстро окинув взглядом купе, обнаружила, что, несмотря на наглое вторжение журналиста с алчным взглядом и бегающими крысиными глазками, все остальное — в полном порядке. Возмущенная фея смотрит на парня так, будто еще мгновение, и она превратит его в крысу. Что ж, он знал, на что шел.

Букли не было, значит, успел спрятаться в саквояж. Молодец, хороший минипиг! Я выпрямила спину, стараясь подыграть, понимая, что хрюканье феи могло и не исчезнуть так же легко и внезапно, как мой свиной пятак.

Полные искреннего негодования, возмущенные взоры двух приличных барышень в сторону двери прекрасно дополнял мой уверенный, очень недовольный голос:

— Простите, молодой человек... Могу я поинтересоваться, в чем, собственно, дело? Вы врываетесь к двум дамам.

В проем заглянул перепуганный проводник.

— Мои извинения... Странные звуки. Я был вынужден.

— Вы были вынуждены прислать журналиста? Были вынуждены позволить ему делать снимки? — Лед в голосе не хуже магии фей заставил покрыться инеем окна, а несчастного проводника — позеленеть от страха.

Какая же я все-таки молодец! Бесстрашная. Артистичная. Только убираться не люблю.

Фея со скучающим видом отвернулась к окну, всем своим видом давая понять, что грандиозного скандала избежать не получится.

— Куда смотрит полиция? — Я решительно поднялась.

Зря. Зуд чуть выше пятой точки не прошел, ткань предательски треснула — стало быть, не все последствия устранены. Я посмотрела на фею, сделав страшные глаза, мол: «Выручай!»

Как бы я ее ни ненавидела, но... стрекоза свое дело знала — журналиста кубарем вышвырнуло из купе, а из его старинного фотоаппарата (все-таки чертовски красивая штука!) с жалобным свистом повалила золотая пыльца.

— Не-е-ет! Нет. Нет. Нет! Храни королеву феи — за что?

Фея зевнула, изящно прикрыв рот ладошкой в полупрозрачной нежно-сиреневой перчатке в тон изящному наряду. Купе наполнилось ароматом цветов, что почему-то напугало несчастного проводника до полусмерти.

— Дамы, умоляю! Чай и сладости за наш счет! Только... не губите. Я немедленно высажу этого наглого господина на следующей же станции!

Я постаралась сесть на место. Аккуратно, не поворачиваясь к проводнику спиной. Выглядело странно, но... Вполне объяснимо. Барышни путешествуют одни. Приличные барышни, смею заметить. И тут к ним в купе врывается... мужчина! С камерой. Да я вообще уже должна быть в глубоком обмороке.

— А вы не боитесь оставаться наедине с той, что может вас уничтожить? — журналист не сдавался: да, снимки исчезли, но остался блокнот, который он и сжимал, словно шпагу перед боем. — Или чудовище Харди пугает настолько, что...

— При всем уважении к небезызвестному лорду Харди, — насмешливо протянула я, глядя этому назойливому, упрямому журналюге прямо в глаза, — я бы ставила на нее, — кивнула на крылатую соседку.

И что ей не понравилось-то? Я ж ей комплимент сделала! Стоило так... возмущенно хрюкать?

Мгновение мы все трое в ужасе смотрели друг на друга. Проводник ушел распорядиться насчет еды и напитков, что должны были помочь нам забыть инцидент, — уже хорошо. Плохо, что журналист слышал хрюканье прелестного создания и теперь строчил в своем блокнотике, высунув от старания язык.

— Хм-м-м... А ты не так глупа, как кажешься, — пропел хрустальный колокольчик.

Золотая пыльца закружилась, окутывая журналиста, и... крыса, высунув нос из-под исписанных карандашом, рассыпанных по всему купе листов, пробежала по гофре камеры и скрылась. Несколько секунд спустя мы услышали женский визг. Топот ног проводника и обещания бесплатного ужина. Похоже, наш вагон сегодня за еду платить не будет.

Я с облегчением откинулась на спинку уютного диванчика, но тут же подпрыгнула, взвизгнув от боли. Мой хвостик никуда не делся.

— Хрюк! — поддразнила фея.

— На себя посмотри, — огрызнулась я и застыла. — В чем дело? Ты же только что разговаривала!

— Сейчас объясню, — хрюкнул Букля, вылезая из саквояжа. — Судя по магическому фону, что я наблюдал, пока здесь развивались нешуточные страсти, все дело в том, что ты, Энн, сделала фее комплимент.

— А мое лицо? Оно в норме, а вот хвост...

— Хрюк!

— Замолчи!

— Энн, нет! — Минипиг выглядел словно строгий учитель с расшалившимся классом. — Что ты надела? Полюбуйся на себя!

Я посмотрела в отражение окна и едва не расплакалась. Свиной пятак. И все из-за этой.

— Дамы! — Раздался требовательный стук.

Дверь дернули как раз в тот самый момент, когда мне на лицо золотой пылью опустилась плотная вуалетка.

Что ж, и на том спасибо.

— Что тут происходит? — В купе просунулся знакомый, похожий на яйцо, шлем.

Ну вот... Полиция. Интересно, они арестуют эту... крылатую? За то, что превращает журналистов в крыс (ну ладно, допустим, он как раз заслужил), а ни в чем не повинных девушек в... Но хватит об этом, пора действовать.

— Нам также было бы интересно узнать, — всхлипнула я, картинно потянувшись платочком под вуаль шляпки (столько раз видела такой момент в кино — всегда хотелось повторить!). — К нам ворвался какой-то... гру-

биян! Говорил непростительные вещи. У него была ка-
мера!

Констебль потупился.

— И где он?

— Кто?

— Грубиян.

— И... и... исчез! Умоляю, найдите его! Найдите и из-
бавьте нас от этого кошмара. Да хранят феи королеву. —
Я стала рыться в саквояже, пытаюсь дрожащими паль-
чиками найти пузырек с нюхательной солью.

Никакой соли в саквояже, конечно же, не было. Там
был Букля — тихо притаился на самом дне. Но кон-
стебль этого не знал. Сейчас он извинится и уйдет. До-
ждаться, пока дама примется приводить себя в поряд-
док, неприлично.

Страж порядка, однако, не собирался покидать наше
многострадальное купе. Он стоял чуть наклонившись
вперед и... Было похоже, что думал, хоть это и не вяза-
лось с историями о Шерлоке Холмсе.

— Могу я попросить уважаемую фею прокомменти-
ровать? — выдал яйцеголовый.

Черт... Черт! Черт! Только этого не хватало.

— Все в порядке, — прозвенел колокольчик.

Крылышки загудели, констебля окутало золотым об-
лаком.

— Конечно, — улыбнулся тот светло и счастливо. —
Все в порядке! Все в порядке. Все в полном порядке!

И ушел.

От облегчения я забыла, как дышать. Откинула вуаль,
полюбовалась на собственное отражение и с удоволь-
ствием обнаружила, что сидеть стало значительно лег-
че — хвост исчез, а к фее вновь вернулся голос.

— Я полагаю... — Букля вновь было высунул из моего саквояжа любопытный пяточок, но к нам опять постучали.

— Это когда-нибудь прекратится? Сколько можно нас беспокоить? — Колокольчик звенел мелодично, но рассерженно.

— Поверьте, это ради вашей же безопасности! Я должен знать, что произошло.

— Простите, это моя вина. Уронила сумочку. — Я улыбнулась проводнику, водрузив тяжелый саквояж на колени.

— Хрю... — послышалось из сумки.

— Вот! Я же говорил! Я знал! Слышите? Хрюканье!

— То есть вы утверждаете, что я... — Фея встала, в вагоне поднялся настоящий золотой вихрь, — я хрюкала?!

— Никак нет, госпожа фея! Нет, нет, что вы... Феи да хранят Витту Мудрую, простите! Простите меня. Может, желаете чего? Я... я сию секунду, ваше магичество, только...

— Принесите стаканчик лавандового мороженого, — бросила красавица, жеманно пожав плечиками. — Мне необходимо остыть.

— Да, да! Сейчас... Сию секунду!

— А мне — шоколадного, если можно, — не удержалась я, вдруг почувствовав, что страсть как хочется мороженого!

— Хрю! — послышалось из сумки, да так громко, что проводник едва не упал от неожиданности.

Пришлось фее постараться. Вновь заплясала, заискрилась пыльца, и теперь уже у проводника появилась та самая блаженная улыбка, что была у констебля.

— Три стаканчика, — повторял он, удаляясь, пританцовывая, по коридору. — Лавандовое, шоколадное и клубничное! Хрю-хрю!